

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ГНЕДИЧ

Рождение Омера : поэма

Санктпетербург : в типографии Императорского театра
1817

EOD – Millions of books just a mouse click away! In more than 10 European countries!

Thank you for choosing EOD!

European libraries are hosting millions of books from the 15th to the 20th century. All these books have now become available as eBooks – just a mouse click away. Search the online catalogue of a library from the eBooks on Demand (EOD) network and order the book as an eBook from all over the world – 24 hours a day, 7 days a week. The book will be digitised and made accessible to you as an eBook.

Enjoy your EOD eBook!

- Get the look and feel of the original book!
- Use your standard software to read the eBook on-screen, zoom in to the image or just simply navigate through the book
- *Search & Find:* Use the full-text search of individual terms
- *Copy & Paste Text and Images:* Copy images and parts of the text to other applications (e.g. word processor)

Terms and Conditions

With the usage of the EOD service, you accept the Terms and Conditions provided by the library owning the book. EOD provides access to digitized documents strictly for personal, non-commercial purposes. For any other purpose, please contact the library.

- Terms and Conditions in English: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/en/agb.html>
- Terms and Conditions in Estonian: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/et/agb.html>

More eBooks

Already a dozen libraries in more than 10 European countries offer this service.

More information is available at <http://books2ebooks.eu>

РОЖДЕНІЕ ОМЕРА,

П О Э М А.

СОЧИНЕНІЕ Н. ГНѢДИЧА,

ЧИТАННОЕ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ, ЯНВАРЯ 2 ДНЯ, 1817 ГОДА.

.....
*Напечатано съ дозволенія Главнаго Начальства Императорской
Публичной Библіотеки.*
.....

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ,

въ типографіи Императорскаго штемпля, 1817 года.

П О С В Я Щ Е Н А

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

СЕРГЬЮ СЕМЕНОВИЧУ

У В А Р О В У.

О коли́ говорено при тысяѣхъ лѣтѣхъ, но ни́чего не сказано, о томъ и я ни́чего новаго сказать не надѣялся; я только хотѣлъ воспользоваться счастливыми для Поэзіи объ лицѣ Омера преданіями, разбѣянными въ древнихъ писателяхъ. На нихъ основывая Поэму, я такъ же пользовался нѣкоторыми мыслями и новѣйшихъ писателей, судившихъ о твореніяхъ Омера.

РОЖДЕНІЕ ОМЕРА, ПОЭМА.

Съ шѣхъ дней какъ въ Троѣ жизнь великаго Пелида
Стрѣла презрѣннаго убійцы прервала,
Съ шѣхъ дней по немъ шоски упѣшишь не могла
Мать среброногая безсмершная Фешида.

„Ахилловъ подвиги во гробѣ не умрушь:
„Какъ холмы гробы ихъ безсмершьемъ процвѣшушь.
„Поэзія — языкъ свѣпаго вдохновенья.
„Доколь на земли могущеспвенъ и свѣпъ,
„Для славныхъ подвиговъ нѣпъ смерши и забвенья;
„Въ могилахъ вѣковыхъ пѣвцы ихъ воскресяпъ.

Такъ ушѣшалъ Зевесъ печальную Тетиду,
 Когда она, взнесясь въ высокій бога домъ,
 Напомнила царю о знаменѣ свяшомъ,
 Какимъ онъ знаменалъ безсмертіе Пелиду.
 Такъ ушѣшалъ онъ машь. — Межь шѣмъ рука время
 Дѣла полубоговъ съ лица земли спирала,
 И самую Молву съ вѣками увлекала
 Хранишельницу дѣлъ сихъ древности племень.
 Съ шѣхъ дней какъ палъ Пелидъ, шри вѣка пропекали;
 Но дѣлъ его пѣщы опъ мрака не спасли:
 Какъ эхо пѣсни ихъ раждаясь умирали;
 Краснорѣчивый прахъ безмолспивовалъ въ земли;
 И на конецъ о немъ Ахейцу говорила
 Одна, въ спранѣ чужой, пуспынная могила.

И машь, въ шоскѣ забывъ обѣщъ царя небесъ,
 О мрачной учаспи сыновней шосковала;
 И день шопъ роковой, какъ жизнь его увяла,
 На вѣчноспь обрекла для гореспи и слезъ.
 Богиня, исходя въ шопъ день изъ волнь Эгейскихъ,
 Являлася у шѣхъ ей памяшныхъ полей,
 Гдѣ пышный былъ Пергамъ и спанъ дружинъ Ахейскихъ,
 И гдѣ лишь видѣла — могилы ихъ вождей.
 Тамъ, предъ единою всѣхъ высшею могилой,
 Съ кошорой безъ конца чернѣлось лоно водъ,
 При коей волнь ихъ шумъ какъ спонъ ходилъ унылой,
 Тамъ машь безсмершная являлася каждой годъ.
 И груспная возсѣвъ на черный холмъ высокой,
 Подъ коимъ почивалъ божеспвенный Ахиллъ,
 И видя предъ собой шопъ самой долъ широкой,
 Гдѣ каждый камень ей о сынѣ говорилъ,

Она всѣ думы имѣ, всѣ чувства наполняла,
 И испущенная глубокою шоской,
 И рядъ его шоржесшвъ и образъ оживляла,
 И грозный ей Пелидъ мечпался какъ живой!
 Пелидъ предъ нею вновь рѣшалъ годину боя,
 Вновь Гекшоръ упадалъ и вновь пылала Троя! —
 Воспомяна шакъ о славномъ мужѣ шомъ,
 Кошорой именемъ концы наполнилъ міра,
 И, какъ звѣзда въ ночи, падающая съ ээира,
 Блеснулъ и скрылъ свой блескъ во мракъ гробовомъ: —
 Великъ шы былъ, мой сынъ! шакъ въ грусши мапъ мечпала,
 Для зависши людей великъ шы былъ Ахиллъ!
 Нѣшъ, жизнь швою рука не смерпная прервала;
 Бышъ можешъ въ божесшвахъ шы зависшъ возбудишь.
 Всѣ зрѣли — Аполлонъ спрѣлой убійцы правилъ,
 Сей богъ, кошорой самъ въ дни счастья моего
 На пиръ возлежа, съ Пелеемъ бракъ мой славиль
 И въ пѣсняхъ предрекалъ мнѣ сына одного;
 Сей богъ, вѣщавшій мнѣ священными ушпами,
 Чшо жребій мой Зевесъ блаженспвомъ ущедриль,
 Чшо славою мой сынъ сравниешся съ богами,
 Сей самой богъ, Пелидъ, швоимъ убійцей былъ!
 И Зевса, можешъ бышъ, сей богъ враждою сильной
 Склонилъ свяшой обѣшъ забвенію предашь,
 Чшобъ съ славой шы на вѣкъ исчезъ во шмѣ могильной!

Такими думами шоску пишала мапъ.
 Съ богиней скорбъ дѣля и сесшры Нереиды
 Бросали каждый годъ Нерея влажный домъ,
 И исходя изъ волнь, близъ гореспной Фешиды
 Садились сѣшовашъ при холмѣ гробовомъ.

И съ ней въ безмолвіи крушася грустной думой,
 Иль съ плачемъ мапери сливая гласъ уныль,
 Смуцали пишину пуспыни сей угрюмой,
 И въспрь ихъ плача гласъ далеко разносилъ.
 Далекѣ слыша ихъ смолкала Филомела;
 Недвижно Циннія на гореспныхъ смопрѣла
 И слезы пихія задумчиво лила.
 Такъ пѣснь ихъ жалобна, шакъ сладостна была!

„О милья сеспры, о дщери Нерей!
 „Такъ часпо Феида вопила спеня,
 „Не вѣдавъ любви, не знавъ Гименея,
 „О сколько вы дѣвы счасливѣй меня!
 „Не вѣдома грусь вамъ бышь маперью сына
 „И все съ нимъ единымъ на свѣшѣ перяшь.
 „На бѣдшво богиня, на горе я машь!
 „И нѣшь мнѣ опрады, какую судьбина
 „Послала для смерпныхъ несчастпныхъ сердець,
 „Чпобъ жизни и скорби увидѣшь конецъ!

Такъ въ обреченный день являясь надъ могилой
 Спенала съ Нимфами невидимая машь.
 И слыша паспырь ихъ незримыхъ спонъ унылой,
 Въ день оный не дерзаль пуспынь сихъ посѣщашъ. —
 Такъ годы пропекли, шакъ вѣки миновали;
 Феидѣ данныхъ кляшвѣ не исполняль Зевесь.
 Вѣка не унесли Феидиной печали;
 Она опчаялась и въ промыслѣ небесь.
 И нѣкогда въ сей день, печали посвященной,
 Машь изъ морскихъ пучинъ явилася одна;
 И горьше прежняго уныла и груспна

Вспоминала вновь о незабвенномъ сынѣ
И повѣряла шакъ печаль свою пуспынѣ.

„Увы мнѣ богинѣ рожденной къ бѣдамъ!
„И мапери въ скорби на вѣкъ безопрядной!
„Зачѣмъ не оспалась, не внемля сеспрамъ,
„Счастливою дѣвой въ пучинѣ я хладной?
„Зачѣмъ меня избралъ супругой герой?
„Зачѣмъ не судила Пелею судьбина
„Связапъ свою долю со смерпной женой? —
„Увы! я родила единаго сына;
„При мнѣ возраспалъ онъ любимецъ боговъ,
„Какъ пыпное древо долинь украшенье,
„Очей моихъ радоспъ, души ушпшенье,
„Надежда Ахейнъ, гроза ихъ враговъ!
„И сына шакого, Эллады героя,
„Создапеля славы Ахейскихъ мужей,
„Увы! не узрѣла припекшимъ изъ боя,
„Его не прижала къ груди я моей!
„Младой и прекрасной Пергама рушипель
„Презрѣннымъ убійцей въ Пергамѣ сраженъ!
„Дѣлами всю землю дивившій вошипель
„Какъ смерпный ничпожный землей поглощенъ!
„Гдѣжь, Зевсъ, швой обѣщъ мнѣ? Уже ли онъ ложной?
„Уже ли прельщая шы мнѣ возвѣспиль,
„Чшо шы исполнипель Судьбы непреложной,
„Два жребія въ жизни Ахиллу судиль:
„Вѣкъ долгій, но мрачный въ дому у Пелея,
„Иль крапкій, но славный подѣ Троею вѣкъ.
„И духомъ высокимъ герой пламенѣя

„На раннюю гибель подъ Трою попекъ.
 „И чуждыхъ обиду мспя бранью кровавой,
 „Поруганъ, обиженъ опъ шѣхъ кого мспиль,
 „Но все забывая, онъ дышущій славою
 „Своими дѣлами боговъ изумилъ!
 „И клялся пы Дій мнѣ священной главою,
 „Что славою какъ боги безсмертень Пелидъ;
 „Но рашъ еще зрѣла дымящуюсь Трою,
 „И Трои рушишель былъ рашью забышь.
 „Изъ гроба былъ долженъ явиться онъ мершвой,
 „Чтобъ дани для праха у Грековъ просипъ.
 „Но ихъ чтобъ заспавипъ почпишь его жершвой,
 „Ты долженъ былъ Кронидъ природу смушишь;
 „И самъ, успрашая Ахеянъ народы,
 „Сномъ мершвымъ сковаль пы зыбучія воды.
 „И шакъ, за опчизну погибшій герой,
 „Что добылъ у Грековъ кровавою цѣною?
 „При жизни обиды, по смерти забвенье!
 „Но нынѣ, какъ мрачныхъ времянь разрушенъе
 „И гробъ Эакида равняешъ съ землей,
 „Что нынѣ найдешъ онъ у хладныхъ людей?
 „Доспойнымъ попомспва пѣвцовъ посылаюшь
 „Небесныя Музы, рекъ Дій мнѣ опецъ;
 „Но при уже вѣка свой кругъ совершаюшь,
 „И гдѣжь предреченный Ахиллу пѣвецъ?
 „Увы! о Зевесъ, прельщены мы шобою.
 „И сынъ мой несчастный, мой юный Ахиллъ
 „Главы своей жершвой, кровавою цѣною
 „Лишь гробъ себѣ шемный въ пуспынѣ купилъ!
 „Но если завѣшы и Дій нарушаешъ,

„То смершнымъ несчастнымъ въ кого уповашь?
 „И если Ахиллъ какъ Тетисъ погибаетъ,
 „Что слава? Кто будешь мечши сей искашь!
 „Ничтожно геройство пруды и дѣянья,
 „Ничтожна и къ чести и къ славѣ любовь,
 „Когда на семь свѣтъ имъ нѣтъ воздаянья,
 „Коль славы любимецъ забвенъ опъ боговъ!
 „Такъ, сынъ мой, оставленъ, забвенъ ты богами,
 „И будешь на вѣки забвенъ опъ людей!
 „И холмъ твой надгробный, изрытый вѣками,
 „Забудется въ мѣрѣ, сравненный съ землей.
 „И ты, моей грести свидѣтель унылой,
 „О Ульмъ, на гробницѣ воспетый мной!
 „Иссохнешь и ты надъ сыновней могилой;
 „Одна я останусь съ безсмертной поскою!.....
 „О, сжался хоть ты, о земля, надо мною!
 „И если не можешь мнѣ жизни прерватьъ,
 „Сырая земля! расступись подъ живою
 „И къ сыну въ могилу прими ты и мать!

Такъ изступленная печалію Тетиса

Спеша, поверглась ницъ на черный холмъ Пелида;
 И голосъ съ высоты богини грянулъ въ слухъ:

„Возстань, Нерея дочь, и укрѣпи твой духъ:
 „Послѣднимъ былъ сей день печали посвященный.“

Богиня встаетъ и взоръ подъявъ смущенный,
 Зрѣшь бога предъ собой мешающаго громъ,
 Прикишаго къ землѣ на облакъ элапомъ.

Въ священномъ ужасѣ и въ радости нѣмѣя,
 Предъ Кронидомъ безъ словъ поверглась дочь Нерея;
 Но мрачныхъ думъ еще и горести полна,

„О Кронидъ! наконецъ воскликнула она,
 „Или плачевный спонъ шоски моей глубокой
 „Доспигнуль до швоей обипели высокой?....
 „Или надъ машерью пы сжалился Зевесъ?“

Рекла, и вновь припавъ къ ногамъ Царя небесъ,
 Рукой спопы его священныя объяла.

„О безразсудная! воззваль къ ней Эгіохъ:
 „Тыль мыслила, чшо я забышь Ахилла могъ?
 „Тыль вѣчноспи моихъ завѣшовъ не познала?
 „Забымалъ, чшо я самъ, поклявшись главой,
 „Не въ силахъ возврапипъ сей кляпвы роковой?
 „Но еспъ еше Судьбы: законъ ихъ довременной
 „Опшвеспъ иль упредипъ — нѣпъ власпи во вседенной.
 „Сіи Судьбы виной, чшо черезъ сполько лѣшь
 „Еще не совершенъ священный мой обѣшь;
 „Чшо блескъ безсмерпныхъ дѣль — мракъ сокрываетъ гробный,
 „Чшо въ пѣсняхъ не воскресъ швой сынъ богоподобный.
 „Но наконецъ Судебъ исполнися законъ,
 „И вдохновеннаго свершилося рожденье.
 „Изъ праха вызовешъ онъ древній Иліонъ,
 „И симъ исполнися мое опредѣленье.
 „Возспанъ, гряди со мной, увѣруй нынѣ вновь,
 „Чшо непреложень вѣкъ обѣшь Царя боговъ.

Молча, на облако возсѣла мапъ Пелида;
 И, пучъ гонипеля велѣніемъ Крониды,
 Взвилось оно какъ вихрь къ ээирнымъ высокопамъ.
 И быспро пренесасъ къ Ахейскимъ оспровамъ,
 Спустилося на холмахъ счаспливаго Іоса
 Межъ благовонныхъ древь и злачнаго лопоса.
 И Дій, съ нимъ шеспшовапъ Фешидъ повеля,

Но смертнымъ спранъ сихъ бышь незримъ благоволя,
 Сквозь рощу яворовъ, на злачной холмъ пологой
 Пошекъ невидимый съ богиней среброногой. —
 Тогда въ полдневный пушь вспупалъ Гипперіонъ,
 И опъ его лица швердь знойная пылала.
 И томная земля какъ будыно въ сладкій сонъ
 И воды и поля и воздухъ призывала.
 Иль будыно чувствую присушствіе боговъ
 Тогда природа вся вниманье къ нимъ склонила,
 И жершву имъ неся, дыханіе цвѣшовъ,
 Благоговѣнное безмолвіе хранила. —
 Межь шѣмъ Опець Кронидъ съ холмовъ свой пушь склонялъ.
 Тамъ — при покашѣ ихъ споялъ уединенный,
 Кругомъ бросая шѣнь, высокій лавръ священный;
 При корнѣ ключъ шумѣлъ прозрачный какъ кристалъ.
 Съ младенцемъ колыбель подъ лавромъ шѣмъ висѣла,
 И юная жена склонясь при ней сидѣла. —
 Недавно первенець казался рождень;
 И машь казалася опъ бѣдныхъ смертныхъ жень:
 Убогой ризою она была покрыша,
 Но чудная красой, какъ вѣчная Хариша.
 Поникшая главой на колыбель жена
 Сномъ амврозическимъ была окружена;
 Диша безсловное играло въ колыбели;
 И чпо Феида зришь? — На лавръ девять пшиць
 Явились въ образѣ пуспынныхъ голубиць
 И шихо низлешя рожденного обсъли.
 Сребрились перья ихъ на выяхъ и грудяхъ,
 Какъ первые снѣга на Гаргара холмахъ;
 Горѣли очи ихъ, какъ свѣшь злашой Авроры.

Онѣ на колыбель вперя какъ въ думахъ взоры,
 И тихо порхая одна во слѣдъ другой,
 Казалось, дыша чудесное лобзали;
 Казалось, легкими съ нимъ крыльями играли.
 За ними пчель злapyхъ явась внезапный рой
 И по цвѣшамъ кружась, влеченьемъ непоняшнымъ
 Неслись къ его усшамъ съ ихъ медомъ аромашнымъ.
 Младенець радоспный весельемъ препепаль;
 И юный взоръ его — горѣль какъ огонь денницы;
 И дѣшскій крикъ его — былъ спройный гласъ цѣвницы.

Зевесь невидимый въ безмолвіи спояль.
 Чудясь Пелида машь на колыбель взирала,
 И тихо, чупь дыша, шакъ Дія вопрошала:
 „Кшо, кшо младенець сей, повѣдай, Эгіохъ!
 „Не богъ ли свѣшлыхъ водъ, иль Олимпійскій богъ
 „Любовью посѣшилъ жену сію младую?
 „Надъ чадомъ зрю небесь я благодашь свяшую.“
 И Зевсь ей: „Надъ пѣвцомъ героевъ и боговъ
 „Почіешъ съ первыхъ дней небесь благой покровъ;
 „Любимецъ ихъ пѣвецъ великаго Пелида.“
 „О милосердый Зевсь!“ воскликнула Фешида;
 И тихо на дыша невидимо припавъ,
 И очи и уста лобзаніемъ покрыла
 И сладкими его слезами оросила. —
 За ней Опець боговъ предъ колыбель представъ,
 Каснулся первенца священною рукою,
 И юная душа земнаго сущеспва,
 Почувъ незримаго присушспво божеспва,
 Въ младенцѣ радоспью исполнилась свяшюю;

И на челѣ младомъ, какъ неба благодасть,
Блеснула шайная високаго печась.

„Но кто, кто смерпный сей, сынъ шаинспва священный?
„Кому швой промысль даль сей жребій возвышенный?
„На сей ли онъ землѣ счаспливой порождень;
„Опъ Нимфъ ли родшая, или опъ смерпныхъ жень?
„Не сынъ ли онъ царей — и опъ людей гоненья
„Сокрыпъ въ пуспынѣ сей, подъ взоры Провидѣнья?
„Иль сынъ онъ паспыря счаспливыхъ сихъ полей,
„За добрыя дѣла, за вѣру и смиренье
„Благословеннаго любовію швоей?
„Повѣдай мнѣ, о Зевсъ, пѣвца сего рожденье.“
Такъ вопрошаемъ былъ Фешидой Царь громовъ.

„Фешида, мракъ Судьбы священъ и для боговъ!
„Ей Дій опвѣшпвоваль: и избранники неба,
„Пророки и жрецы, шаинспвенники Феба,
„Очами шьму время могущіе пронзашъ,
„Вошще о немъ дерзнушъ безсмерпныхъ вопрошашъ.
„Предъ вѣчною Судьбой безмолспвуюшъ и боги:
„Пуши ея всегда шаинспвенны и многи;
„И шы ихъ проницашъ Фешида не дерзай;
„Кѣмъ смерпный сей рождень, меня не вопрошай.
„Пѣвцажъ тебѣ судьбу я возвѣспишъ желаю,
„Но опкрывашъ ему на вѣки воспрещаю;
„И горько смерпному въ грядущемъ шо познашъ,
„Чего нѣшъ силъ опвеспъ, ни средспва избѣжашъ.
„Опредѣленія Судьбы не опврашимы.“

„Ахъ! машь Пелидова рѣчь Дія прервала,
„Когда Судьба его на бѣдспва обрекла,

„Да будутъ мной, о Дій, всѣ дни его хранимы:
 „Я спутница его до смертнаго конца.

„Нашъ промыслъ сохранишь священнаго пѣвца.
 „Но удалимся, Дій рекъ наконецъ богинѣ:
 „Пѣвца Ахиллова о будущей судьбинѣ
 „Тебѣ я прореку; но часпъ его познавъ
 „Пещись о немъ богамъ пы высшимъ предоспавъ.
 „Вошце ему въ покровъ изъ васъ кпо успремишся;
 „И власъ его главы моей рукой хранишся.“

Скончавъ, съ Ѳешидою опшелъ Опець боговъ,
 Направя пушь на холмъ надъ моремъ возвышенный.
 И шамо — уклонясь подъ вѣщій лѣсъ дубовъ,
 Ему издревле здѣсь Провидцу посвященный,
 Онъ взоромъ времена объемля до конца,
 Такъ прорицалъ судьбу рожденнаго пѣвца.

„Когда во шмѣ время Ахеянъ дремяють грады,
 „Какъ въ мракъ погружены земныхъ сыновъ сердца,
 „Среди глубокаго безмолвія Эллады
 „Воспаненъ чудный гласъ убогаго слѣпца.
 „Слѣпецъ, въ дни мужества очей своихъ лишенной,
 „Озари разума пронзипъ онъ небеса,
 „Обыметъ весь Олимпъ, проспранспво всей вселенной,
 „И міра горняго проникнувъ чудеса,
 „Узришь въ лице боговъ, домъ славы ихъ чудесный,
 „Бесѣды чиспыхъ Музь и радоспъ ихъ пировъ;
 „И первый на землю сведя языкъ небесный,
 „Прославишь Грецію, Ахилла и боговъ.
 „И первое о немъ пророчеспво свершишся:

„Счастливыи нищій сей среди цвѣтущихъ лѣтъ (1)
 „Для взора навсегда погубитъ дневный свѣтъ,
 „Но свѣтомъ онъ другимъ съ бессмертными сравнится.
 „И шьмой въ сей мрачный вѣкъ обяшья сердца,
 „Еще небеснаго душой не постигая,
 „Въ опчизнѣ не почшущъ священнаго пѣвца.
 „И будешь онъ слѣпецъ скипашься въ край изъ края,
 „Водимый бѣдноспью за шрапезы царей,
 „Сей спущницею одной его печальныхъ дней.
 „И бѣдноспь мудрому во благо обратишся:
 „Влачась изъ края въ край всевидящій слѣпецъ,
 „Онъ глубину людскихъ извѣдаешь сердцецъ;
 „Дѣяній и вещей познаньемъ умудришся,
 „И будешь убѣжденъ онъ жизнью своею,
 „Чшо бѣдноспь лучшее училище людей.
 „И воспоешь тогда онъ спранспвїя Героя,
 „Гдѣ опышы своей превратной жизни края,
 „Высокій смершному примѣрь изобразишъ,
 „Чшо мудрый всѣ бѣды шерпньемъ побѣдишъ. —
 „Такъ двухъ Героевъ онъ любезныхъ мнѣ прославишъ
 „И двухъ бессмершныхъ чадъ попомспву въ нихъ оспавишъ. (2)
 „И шакъ исполнишся земной его предѣль.
 „Тогда его съ земли, съ лица юдоли шлѣнной,
 „Пророка на Олимпъ восшишишъ мой орель;
 „Гдѣ благовоньемъ небеснымъ умащенной
 „И въ жизнь нешлѣнную преображенный вновь,
 „На пиръ бессмершїя онъ сядешъ межъ боговъ

(1) За неимѣниемъ въ шипографїи Греческихъ буквъ не печашается шекшъ Оракуловъ объ Омерѣ, взяшыхъ изъ Плушарха. (2) Илиаду и Одиссею.

„И низведешь въ ихъ домъ святое восхищенье. —

„И збудушся надъ нимъ безсмертныхъ словеса,

„Какими Пифію исполнишь вдохновенье:

„Слѣлецъ, твой домъ — Олимпъ, отъизна — небеса!

Онъ смолкъ; и предъ Царемъ душой благоговѣя,
Воспорга полная возвала дочь Нерея:

„Любимца Зевсова благословень удѣль!

„Но, Зевсъ, проси шы машь, разсѣй мнѣ мракъ сомнѣній:

„Ужели, какъ земной пѣвца сего предѣль,

„Толь мрачна и крапка судьба его швореній?

„Иль шы съ шворцомъ и ихъ похипишь опъ людей,

„Чшобъ Кронъ губишельной десницею своей,

„Какъ преждебывшія Поэшовъ пѣснопѣнья,

„И ихъ не испребиль во шмѣ сихъ мрачныхъ лѣшь?

„Иль слава сына въ нихъ къ попомспву не доидеть?

„Погибнуть ли должны пѣвца сего шворенья?

„Не гибнеть слово Музь, ей рекъ Опець боговъ.

„Какъ безконечна водъ намъ видимыхъ пучина,

„Въ подлунной шакова пѣвца сего судьбина.

„И должно зрѣшь ряды безчисленныхъ вѣковъ,

„Ряды имущихъ бышь и царспвъ и поколѣній,

„Чшобъ славу созерцашь Омеровыхъ швореній. —

„Взирай — грядущія опверзу времена,

„И бышь имущія спраны и племена.

Онъ рекъ; и мрачная съ времянь завѣса спала,

И въ ихъ явленья машь взоръ жадный приковала.

И зришь: Омера пѣснь во мракѣ двухъ вѣковъ,

Въ началъ шайное наслѣдіе пѣцовъ,

Убогихъ какъ и онъ пиномцевъ Музь смиренныхъ,

Едва приносишь имъ крупицы современныхъ.

Но извлеченную изъ пымы рукой царей
 Вдругъ пѣснь его изъ успѣ скипавшихся людей
 Успа Оракуловъ принявъ соизволяющъ
 И Боги языкомъ Омеровымъ вѣщающъ. —
 Тогда Феида зришь, сколь дивенъ рокъ пѣвца!
 Тогда Ахеяны бездомнаго слѣща,
 Чьей спранничей главѣ покровы не давали,
 Всѣ, всѣ его почшишь зависно воспылали,
 Возревновали всѣ его усыновишь!
 И чшобъ присвоишь чеспѣ, чшобы гордишься славой,
 Ахиллова пѣвца опчизною прослышь,
 Великихъ семь градовъ вспунили въ споръ кровавой!
 Тогда Феида зришь, чшо славный нищій сей
 Спаль другомъ мудрецовъ и спупникомъ царей;
 Чшо просвѣпишели въ немъ ищущъ просвѣщенья,
 Герои образа, Поэшы вдохновенья,
 И всѣ, признавъ его *истотникомъ умовъ*,
 Имъ возвышающся къ познанію боговъ.
 И бога чловѣкъ невидѣвшій очами,
 Но наученъ поспичъ Омера языкомъ,
 Величье Зевсово одушевилъ рѣзцомъ,
 И дышетъ въ мраморъ Владѣющій громами! —
 Вся древность наконецъ признавъ въ немъ существо
 Какъ бы верховное надъ земнородныхъ міромъ,
 Ахиллова пѣвца, равно какъ божество,
 Торжественно почла и храмомъ и кумиромъ.
 Такъ множествомъ вѣковъ, Пелида зрѣла мапъ,
 Испышывалась пѣснь Омеровыхъ швореній;
 И положилъ тогда время священнѣйшій Геній
 На свичкѣ пѣсней сихъ безсмертія печашъ.

Тогда и самой Кронъ изъ тьмы и разрушеня,
 Изъ праха спершыхъ имъ и царспвй и градовъ,
 Повсюду испоргаль Омера пѣснопѣнья;
 Чшобъ сей небесный даръ, на пользу всѣхъ вѣковъ,
 Опъ мрачной древноспи, опъ спранъ иноплеменныхъ,
 Доспигъ до новыхъ спранъ, до царспвъ невозрожденныхъ.

Но съ сею славою всемірною пѣвца,
 Кромѣ одной Молвы о мрачныхъ дняхъ слѣпца,
 Дивясь Пелида машъ, спрѣшала въ каждомъ вѣкѣ
 Безмолвіе о семъ чудесномъ человѣкѣ,
 Сокрышомъ опъ людей покровомъ роковымъ.
 И щещно Греція, наполненная имъ,
 Взносила громкій гласъ во всѣхъ градахъ цвѣшущихъ:
 Кпо сей невѣдомый, сей дивный человѣкъ,
 Копорой какъ перунъ тьму времени разсѣкъ?
 Копорой какъ Гиганшъ на раменахъ могущихъ,
 Всю славу Греціи подъялъ изъ тьмы временъ?
 И щещно спранники рожденныхъ вновь племень
 Спекались на берега разрушенной Эллады,
 Чшобъ вопрошашъ о немъ пущыни, камни, грады,
 Чшобъ вызвашъ пѣнь пѣвца изъ древноспи гробовъ;
 Не обрѣпаль ни кпо земныхъ его слѣдовъ!
 Подобно божеспвамъ, опъ смершныхъ сокровеннымъ,
 Сокрыла опъ людей Судьба сего пѣвца:
 Его возвышеннымъ, швореньямъ вдохновеннымъ
 Дивипся вся земля, не вѣдая шворца.

Но на лицѣ земномъ нѣтъ славы несомнѣнной.
 Нескрылся и Омеръ опъ зависпи людей.
 Немолчной славою, гремящей во вселенной,
 Онъ гордоспъ раздражалъ и сильныхъ и царей.

И между тѣмъ, какъ месья изъ вѣка въ вѣкъ ходила,
 Свѣшь коей первому врагу его опмешиль;
 (Свѣшь имя самое зависнаго Зоила
 Въ обиду и позоръ повсюду обрапиль)
 Тирана древности узрѣла дочь Неря,
 Кошорой низкою враждою пламенѣя, (1)
 Чпо нищій славою царей переживаль,
 Пѣвца священный ликъ, безумецъ, поругаль.
 Такъ древле видѣли въ Эгиптѣ воды Нила,
 Какъ черные сыны пуспынныхъ ихъ береговъ
 Надъ лучшимъ дѣломъ рукъ ругались боговъ,
 Надъ ликомъ блещущимъ всемірнаго свѣшила.
 Но злоба щещная! безумный гнѣвъ людей!
 Межь тѣмъ, какъ варвары бѣснужь въ сонмѣ дикомъ,
 Пронзали небеса ихъ богохульнымъ крикомъ;
 Царь свѣла, шещвуя блиспашельной спезей,
 Попоки проливалъ своихъ лучей священныхъ
 На мрачную шолпу ругашелей презрѣнныхъ!
 Но чпо? вдали времянь, въ дни поздныхъ шѣхъ вѣковъ,
 Какъ пала Греція подъ судъ иноплеменныхъ,
 Въ спранахъ, свѣшильникомъ Элады озаренныхъ,
 Богиня новыхъ зришъ пѣвца сего враговъ.
 Послѣ шрехъ шысячь лѣпъ хвалу о немъ гремѣвшихъ
 Вновь споры онъ возжегъ межъ книжниковъ шолпой,
 Богашыхъ зависпью, но духомъ обѣднѣвшихъ.
 Омера слава имъ предспавилась мечпой,
 Тяжелымъ бременемъ, для одного безмѣрнымъ.
 И заблужденіемъ горадьясь неимовѣрнымъ,

(1) Калигула.

Они безсмертное наслѣдіе пѣвца
 Терзають и дѣлять межъ многими пѣвцами. —
 Другіе, въ обласняхъ прославленныхъ умами,
 И кто? служилели священнаго слѣпца,
 Тѣ, кои пріобщася всей мудрости Воспока,
 Поспигли шаинспва Ахейскаго пророка, (1)
 Мечшанье древнее извлекшіе изъ шмы,
 Оружье вепхое лжемудрецовъ забвенныхъ (2)'
 Имъ помрачиль хошяшь свѣшь испиннь несомнѣнныхъ.
 И чшобы предъ полпой прославишь ихъ умы,
 Сіи жрецы его, изъ глубины чершого
 Гдѣ съ славою ему служили сполько лѣшь,
 Дерзають опвергать существованье бога,
 Кошораго познашь они учили свѣшь.
 Дерзають.... Не стерпя ихъ дерзости Фешида,
 „О вѣка спыдъ! рекла, о разума обида!
 „Зевесь, и не казнишь шы Фебовыхъ враговъ?

„Ошринь Фешида спрахъ, прервалъ Опець боговъ.
 „Какъ перваго врага священныхъ пѣснопѣній,
 „Такъ всѣхъ ихъ Аполлонъ казнишь доспойно самъ
 „Лишая ихъ сердца небесныхъ наслажденій,
 „Какія сей пѣвецъ доспавишь всѣмъ вѣкамъ.
 „Но опъ клеветъ людей, опъ злобы и хуленья
 „Сильнѣе всѣхъ шворца шворенье защишишь.
 „Взираи, и въ будущемъ увидишь убѣжденья.
 И дочь Нереева въ видѣнны новомъ зришь,

(1) Бріанъ, Вольфъ и проч.

(2) Старыя мнѣнія Софисшовъ Александрійскихъ.

Чшо на развалинахъ, на прахъ Иліона,
 Въ пущыняхъ, симъ пѣвцомъ прославленной земли,
 Его поборники оружія нашли,
 Чшобъ правду зацшипшь и славу Аполлона.
 Тамъ камни самыя, Ахилла видипшь мапшь,
 Тамъ гробы начали свой голосъ подымапшь,
 За бышіе шворца и ишину шворенья.

Такъ созерцая лѣпшь попомспвенныхъ явленья
 Богиня на конецъ въ мерцаніи времянь
 Судьбу Омера зрипшь подъ небомъ той державы,
 Въ кошорой гражданахъ попомковъ видипшь Славы
 Безсмершной машери воинспвенныхъ племень.
 Племень, еще во шъмѣ предъ ней парившихъ вѣковъ,
 Являющихъ ряды великихъ человѣковъ,
 И сильныхъ Вишязей и доблеспныхъ Царей;
 Кошорыхъ зря дѣла мечшала мапшь Ахилла,
 Чшо вновъ Земля сыновъ — Тишановъ породила
 И навела ихъ гнѣвъ на Греческихъ мужей.
 Подъ пышный Грековъ градъ племень сихъ предводипшель
 На зыбкихъ ладіяхъ примчавшисъ по волнамъ,
 Визаншю пошрясь и Грековъ побѣдипшель,
 Побѣды знакъ — свой щипшь — прибилъ къ ея врашамъ. (1)
 Но скрылъ Ощецъ боговъ шѣ вѣки сей державы,
 Когда Неря дочъ межъ бранныхъ сихъ племень
 Могла лишь созерцапшь дѣла ихъ бранной славы;
 И бышія опверзь счаспливѣйшихъ времянь.
 Онъ вдругъ раскрылъ очамъ Ошпиды изумленной
 Блишпашельнѣйшій вѣкъ спраны преображенной.

(*) Олегъ.

Топшъ вѣкъ — какъ Царь ея, любимый сынъ небесъ,
 Ея величія до звѣздъ главу вознесъ;
 И міръ склонивъ къ спопамъ, его душой плѣненный,
 Наукъ божешвенныхъ, прямыхъ къ добру вождей,
 Свѣшъ чиспый разливалъ надъ опческой землей,
 Небесныхъ Испинъ самъ ревнипель просвѣщенный.
 Въ счастливый оный вѣкъ подъ небомъ сихъ племень
 Омерову судьбу раскрылъ Опець времянь. —
 И свѣшпья кругомъ свои вращая очи
 Зришь машь Ахиллова, чшо и сыны Полночи,
 Огнемъ божешвеннымъ согрѣвъ уже сердца,
 И духъ возвысивши Поэзіей священной,
 Плѣнялись пѣснями Поэзии опца.
 Съ воспоргомъ зришь она, чшо въ камняхъ оживленной
 Споишь у нихъ почпень Омера древній ликъ
 Вельможъ въ домахъ — какъ мужъ, доспойный удивленья,
 И въ храминахъ пѣвцовъ, какъ Геній вдохновенья.
 И съ шрепешомъ души, въ дому самихъ Владыкъ,
 Въ сокровищницѣ ихъ — вдругъ познаешъ Оешида
 Знакомый образъ ей, ликъ милаго Пелида, (1)
 Хранимый въ чешъ ему предъ взорами Царей!
 И въ шопшъ же мигъ — Царей увидя слухъ склонившихъ
 На робкій гласъ пѣвцовъ, Омера пѣснь впорившихъ,
 Машь — въ полной радоспи, не находя рѣчей,
 Бросаетъ въ слезахъ обняшь спопы Зевеса...
 И опуспилася предъ ней Времянь завѣса.
 И Дій уже опець на свѣшпыхъ облакахъ,
 Горѣвшихъ пурпуромъ при западныхъ лучахъ,
 Париль надъ шемною дубравой опкровеній.

(1) Древній бюспъ Ахиллеса находишся въ Эрмишажѣ.

„Богиня, къ ней онъ рекъ, довольноль убъжденій,
 „Что сына Кронова невозвратимъ обѣтъ?
 „Я рекъ и збудешся: гдѣ блещеть Солнца свѣтъ,
 „Тамъ слава возблескишь Омера и Ахилла.“

Рекъ, и Феида словъ еще не находила;
 Но руки лишъ воздѣвъ съ пылающей мольбой
 Къ Царю, парящему къ холмамъ Олимпа звѣзда,
 Съ высотъ она горы, надъ черной глубиной
 Низверглась — и подъ ней разыграла съ шумомъ бездна.

К О Н Е Ц Ъ .

www.books2ebooks.eu